

Е. Д. ПОЛИВАНОВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ КОНВЕРГЕНЦИИ¹

Считаю полезным предложить читателю, интересующемуся сравнительной грамматикой и знакомому, полагаю, поэтому с русским языком, некоторые положения теории фонетических конвергенций, хотя и в самых общих чертах и в очень сокращенном изложении. Теория эта, рассматривающая одну, пожалуй, самую главную часть фонетических, т. е. звуковых изменений в языке, составляет отдел учения о фонетической эволюции, принадлежа, таким образом, к лингвистической историологии (если применить к лингвистике термин профессора Кареева: «историология» — т. е. учение о факторах исторического процесса, в данном случае о факторах исторических изменений в языке).

Звуковые изменения в языке делятся, на основании существеннейшего из своих признаков, на два главных класса: 1) изменения, происходящие внутри одного элемента из системы фонетических представлений, например внутри одного звука языка, и постигающие, следовательно, его качество: состав присущих ему звукопроизводных работ и акустический их эффект, но не касающиеся других элементов и не изменяющие самое систему фонетических представлений, т. е. не уменьшающие и не увеличивающие число элементов этой системы (отдельных звуковых представлений, служащих средством словоразличения для данного языка), 2) изменения, постигающие саму систему фонетических представлений и выражающиеся в уменьшении или увеличении числа ее элементов. Законы тех и других изменений, как можно и ожидать, различны.

Для изменений первого рода, изолированно протекающих в сфере отдельных звуковых представлений, можно установить общий принцип, определяющий их направление: «от трудного к легкому», т. е., следовательно, выражающийся в тенденции к уменьшению трудностей (а следовательно, и общего количества) звукопроизводных работ, соответствующих данному звукопредставлению. Согласно этому принципу, удастся констатировать ряд происходящих в указанном направлении процессов, типичных для истории всевозможных языков (например: аффрикатизация, или так называемое «смягчение» смычных, в частности в положении перед *i*; спирантизация, т. е. утрата смычного элемента у аффрикат, причем обыкновенно этот процесс совершается — по чисто физическим основаниям — быстрее у звонкого, чем у соответствующего глухого варианта; делабиализация так называемых аномальных передних лабиализованных гласных и пр. и пр.). Явления же, принадлежащие к изменениям второго рода (изменяющие число элементов системы), по результату своему часто оказываются в противоречии общему принципу «от более трудного комплекса звукопроизводных работ к более легкому» и не укладываются в схемы типичных развитий первого рода.

¹ При подготовке к печати текста работы проф. Е. Д. Поливанова редакция ограничилась незначительными, главным образом стилистическими, поправками, устранив также замеченные опечатки.

Особенно это наблюдается при конвергенциях, т. е. при таких процессах второго рода, результатом которых является уменьшение числа дифференцируемых звукопредставлений системы, — благодаря тому, что на место двух принципиально-различных звукопредставлений в мышлении старшего поколения младшее поколение подставляет (в соответствующих словах, на соответствующих местах) одно звукопредставление (такова, например, подстановка ζ или звука, среднего между ζ и χ , на место старых χ и ζ в поколении, осуществившем русское цоканье). Пример такого противоречия общему для первого рода направлению — в японской конвергенции dz и z , которая подставляет аффрикату dz (т. е. звук, более сложный, чем z) на место старого $*z$ (таким образом, старые слоги za , zo и т. д. теперь произносятся — по крайней мере в начале слова — dza , dzo ; даже повторяя русское слово *зубы*, японец говорит *дзубы*, потому что предств-ления звука z вообще нет в его системе фонетических представлений); или же в аналогичной древнеиндийской конвергенции $ж \times \delta ж > \delta ж$ (знак $\times$ обозначает конвергенцию и ставится между конвергентами, а знак $>$ перед рефлексом), например в санскритском корне *джин* «знать»; ср. литовск. *žin-*, курдск. *žon* (персидск. دان, زان), славянск. *зн-ати* [греч. γινώσκει, лат. (g)noscō].

И в виде общего правила результаты конвергенции не соответствуют результатам изолированного развития отдельных звуков, которые имели бы место в том случае, если бы не было конвергенции. Алгебраически это можно выразить так: $a \times b > c$. Но в изолированном развитии должно было бы быть: $a \rightarrow a_1$ (a_1 — звук более легкий по артикуляции, чем a ; если не без изменений $a \rightarrow a_1$), $b > b_1$. Но ни a_1 , ни b_1 не равны c , которое тем не менее при конвергенции появляется на месте обоих данных конвергентов.

Причина этого — в самодовлеющей функции конвергенции, постулирующей уже единство результата на месте двух различных звукопредставлений, между тем как а priori нельзя ожидать одинаковых результатов от разных исходных пунктов развития (a , b), если нет конвергенции.

В сущности, однако, и в конвергенции основным фактором является стремление к облегчению языка, но не к сокращению трудностей звукопроизводных работ одного звука, как в процессах первого рода, а к сокращению психической деятельности, требовавшейся (у старшего поколения) в период обучения речи для дифференциации (т. е. усвоения в качестве двух различных единиц) двух звукопредставлений, заменяемых здесь (у младшего поколения, осуществляющего конвергенцию) одним.

Конвергенция не есть, однако, просто физическое совпадение произношений двух различных звукопредставлений [каким, например, бывает физическое совпадение фонем j и d' при русском скороговорочном произношении слов *ходит*, *чуден* и пр. как *хой(у)т* = *хой(и)т*, *чуй(у)н* = *суй(и)н* — хотя бы, например, в таком, очень быстром чтении начала отрывка из Гоголя *суйн:н'ер:р' т'ixпagoje* = «Чуден Днепр при тихой погоде»¹], а реальный психический акт приравне-

¹ Русскому в голову не приходит, что данные фонемы j и d' , закрепленные вполне самостоятельными междифонемическими ассоциациями, факультативно выполняются им одинаково; но у китайца или корейца, учащегося по-русски, этот факт — в восприятии им русских звуков — уже осознан: комбинаторно-факультативный вариант «оттенка» (как выражается проф. Л. В. Щерба) фонемы d' в виде j признан за норму. Поэтому запись произношения китайцем русских слов *десять*, *десять* даст: *jejuh^h(i)*, *jes^hh^h(i)*, и один китаец имел, таким образом, повод спрашивать меня: омонимны ли (т. е. одинаковы ли по произношению) русские слова *десять* и *есть*, которые он воспринимал и воспроизводил оба как *jes^hh^h(i)*.

В этой транскрипции я употребил знак h^c для среднеязычного глухого смычного (как в сербском, только придыхательного).

и и я¹ одного к другому двух звукопредставлений, которые были еще принципиально различными в мышлении старшего поколения. Можно утверждать, что этот акт приравнения звука, встречающегося в любом данном слове, к его общему звукопредставлению — посредством сравнения и принципиального отождествления с другими случаями этого звука в словах, прежде усвоенных, — совершается неизбежно при всяком усвоении слова в процессе обучения ребенка (продолжающегося, наконец, и у взрослого) словарю своего языка: индивидуум может усвоить новое слово только тогда, когда он разложит его на последовательный ряд звукопредставлений, имеющих (или, может быть, только с данным словом впервые появляющихся, т. е. приобретаемых) в его системе фонетических элементов — символов словоразличения.

Таким образом, с точки зрения индивидуальной психологии нет разницы между приравнением двух звуков в разных словах, которые и старшим поколением подводились под одно звукопредставление, т. е. отождествлялись, и конвергенцией, сиречь таким приравнением, которое осуществляется (в истории языка) впервые данным поколением и отождествляет те символы словоразличения (значит, утрачивает один из моментов словоразличения в двух данных словах), которые у предыдущих поколений принадлежали к разным звукопредставлениям.

Итак, понятие конвергенции есть не психологическое, а историко-фонетическое понятие, устанавливаемое лишь объективно (лингвистом — историком языка, а не из самонаблюдения говорящего) при сравнении двух хронологических этапов в эволюции фонетического мышления. Ребенок того славянского поколения, которое отождествило *ъ* (случаи *ъ*, сохранившиеся после «падения глухих») с *о*, одинаково приравнивал: 1) *о* слова *конь* к *о* слова *онъ* или *домъ*, где (во всех данных трех словах) *о* было исконным, т. е. отождествлялось и старшим поколением и 2) *ъ* (первое) слова *сынъ* (*сон*) к *о* слов *онъ*, *домъ*, *конь* и пр. — и не видел разницы между *ъ* слова *сынъ* и *о* слов *онъ*, *домъ* и пр.², или же наблюдал ее, но считал возможным игнорировать (но ведь это происходит и вообще с целым рядом факультативных, комбинаторно-факультативных и комбинаторных оттенков фонемы, которые и старшим поколением фиксировались за данной фонемой).

Таким образом, акт приравнения неизбежно имеет место при конвергенции — за исключением мнимых, или (позволю себе их так называть) отрицательных конвергенций, в которых дифференциальная характеристика рефлекса является исключительно отрицательной по

¹ Акт, наличный, конечно, в период обучения языку в процессе приобретения запаса слов, но не в момент речевой функции сложившегося уже языкового мышления, когда внимание вообще поглощено смыслом говоримого и не может быть направлено на фонетический анализ.

² А почему он не наблюдал разницы между этим *ъ* и *о*, на это были для его психики определенные, разумеется, данные: переход (не выпадавшего) *ъ* в *о* (т. е. конвергенция $\text{ъ} \times \text{о} > \text{о}$), очевидно, был связан (и одновременно) с нулизацией [исчезновением] *ъ* (как и *ь*) в таких случаях, как *рабъ* > *раб*, *кѣто* > *кто*; и оба данных явления, вместе взятые, означали (в истории славянской — русской фонетической системы) исчезновение звукопредставления *ъ* (как и *ь*). Те случаи, где не получался нуль гласного (*сынъ*), были недостаточно многочисленны, чтобы внимание данного поколения, остановившись на них, выработало особое для них звукопредставление — фонему *ъ* (говоря историческим языком, сохранило бы фонему *ъ* в тех случаях, где не было нулизации гласного), потому естественно, что эти статистически сравнительно незначительные случаи *ъ*, при отсутствии фиксации на них (на их качестве) внимания, были слиты с ближайшим гласным звукопредставлением, каким оказалось (в русских условиях) *о*. Данная конвергенция ($\text{ъ} \times \text{о} > \text{о}$) и дивергенция ($\text{ъ} > \text{нуль}$: $\text{ъ} > \text{о}$), таким образом, взаимно связаны и представляют — в эволюции (звукового состава) словаря — две стороны того сдвига, который определяется в эволюции фонетической системы, в частности в эволюции вокализма, исчезновением звукопредставления *ъ*.

отношению к качеству конвергента, т. е. в рефлексе отсутствует одна или несколько работ, имевшихся в конвергенте, чем и исчерпывается разница между рефлексом и данным конвергентом. Крайним случаем этих отрицательных конвергенций являются конвергенции в нуле, где на месте обоих конвергентов у младшего поколения — нуль звукопредставления (нуль равен нулю, но ни о каком приравнивании, конечно, не может быть речи там, где бывшие когда-то звуки уже исчезли); в качестве другого их примера можно указать на обычный во многих языках процесс оглушения конечных звонких, физически совпадающих, возможно, при этом с глухими, хотя тождество это может быть и не осознано. Отрицательные конвергенции представляют совсем своеобразные явления, о которых нужно говорить самостоятельно, и в настоящей работе я их не касаюсь.

Так как задачей теории конвергенции является установление законов, определяющих качество рефлекса (его физическую и психофонетическую характеристику) в зависимости от качества конвергентов, а также от привходящих условий [к которым может, например, относиться то обстоятельство, сопровождается ли данная конвергенция дивергенцией, т. е. входит ли в конвергенцию в качестве конвергента данная фонема целиком или же только определенные (комбинаторные) ее варианты], то для данной теории важна такая именно классификация конвергенций, в которой принципом деления (*principio divisionis*) было бы соотношение между качеством конвергентов и качеством рефлекса. В этом отношении усматриваются следующие главные классы конвергенции (мнимые или отрицательные не приняты в расчет)¹:

I категория конвергенций — с одним пассивным (ассимилируемым) конвергентом, не участвующим в образовании качества рефлекса, который оказывается равным по качеству другому (активному или ассимилирующему) конвергенту. Специфический характер этих конвергенций может быть, следовательно, сформулирован так: $a \times b > a$ или $c = a$ (c — символ рефлекса).

Пример: и.-е. $*p \times *kw >$ греч. π (resp. $*g^w \times b >$ греч. β и т. д.), т. е. $*p >$ греч. π (греч. $\pi\alpha\tau\eta\rho$) $\times *kw >$ греч. π ($\pi\acute{o}\tau\epsilon\rho\sigma$).

Заднеязычный лабиализованный как звук трудный, сложный по артикуляции и, следовательно, исторически (относительно) неустойчивый, заступает более простым (элементарным с общefonетической точки зрения) губным согласным.

II категория конвергенций — с гибридным качеством рефлекса: рефлекс не равен ни одному из конвергентов, но занимает промежуточное место между ними, являясь отклонением от качества одного из конвергентов в сторону качества другого. Эта категория распадается в свою очередь на две:

IIA: конвергенции, в которых гибридное качество рефлекса присуще постоянной его характеристике, т. е. обнаруживается в каждом его осуществлении (или по крайней мере в типичном его варианте).

Пример: промежуточное между звонкими и глухими качество китайских (севернокитайских, например пекинских) «полувзвонких непридыхательных» смыхных bdg (в русской транскрипции $b\delta g$, в зап.-европ. — $p\tau k$) объясняется их происхождением из конвергенции двух древнекитайских категорий: звонких ($*b^d *g$ и т. д.) и глухих непридыхательных ($*p^t *k$); таким образом, $p \times b > b$, $t \times d > d$ и т. д.

¹ Не говорится здесь и о конвергенциях, содержащих более чем два конвергента; но вопрос о них, в сущности, разрешается по аналогии с элементарными конвергенциями из двух конвергентов.

II Б: конвергенции, в которых гибридное качество рефлекса обнаруживается не в каждом отдельном случае его осуществления, но в разнообразии его вариантов, аберрирующих между качествами обоих конвергентов: П р и м е р: испанское *b* осуществляется то как смычный, то как спирант (частью в зависимости от позиции: спирант нормален для интервокальной инклаутной позиции, частью факультативно: как смычный или же как спирант, в одной и той же позиции, в одном и том же слове — в зависимости от привходящих условий данного момента говорения: записывая много раз слово *vagabunda* в стихе песни, исполнявшейся одним испанцем, я констатировал, конечно, преобладающее число случаев *bagavunda*, но наряду с ним и *vagavunda*, а также — изредка — *bagabunda* и, наконец, даже диаметрально противоположное комбинаторным законам *vagabunda*) — очевидно, ввиду гибридного происхождения этой фонемы из конвергенции: $*v$ (из лат. *v* и *b*) $\times$ $*b$ (из $*p$ между гласными).

Аналогична и японская аберрация фонемы *dz* между *dz* и *z* ввиду происхождения ее из старых *z* и *dz* (в слове *dzu* < $*du$).

В узбекском языке к конвергенциям II Б принадлежат следующие, объясняемые иранской этнической подпочвой ташкентского диалекта конвергенции: 1) совпадение общетурецких фонем $*o \times *ö$ ташк. *o* (например, $*ot$ «огонь» и $*öt$ «пройди мимо» > ташк. *ot*), 2) общетурецких фонем $*u \times ü$ ташк. *u* (например, *ur* «бей» и ташк. *üç* «три»), 3) общетурецких $*i \times y$ ташк. *i* *mutabile* (например, *min* «езди верхом», *sin* < *syn* «сломайся»).

Рефлексы этих конвергенций (входящих в общую сумму явлений падения сингармонизма), несмотря на то, что они являются одной фонемой, комбинаторно аберрируют между передним и задним вариантом: мы имеем, например, переднее *o* в *kol* «озеро» и заднее — в *qol* «рука»; переднее *u* в *kul* «пенел» и заднее — в *qul* «раб»; переднее *i* в *kir* «войди» и заднее (*y*) в *qir* «степь» (подробнее см. мою статью «Звуковой состав ташкентского диалекта» в журнале «Наука и просвещение», 1922, № 1).

I категория конвергенций выполняет задачу облегчения фонетической системы от трудного, сложного по артикуляциям (или же — в других случаях — статистически редкого и потому трудно усваиваемого) звука путем простого пропуска его в фонетической системе, почему он и не оставляет следов на качестве рефлекса (т. е. является пассивным конвергентом). Если не иметь в виду границы между изучением родной фонетической системы ребенком и усвоением чужих (иностранных) слов взрослыми, то конвергенции I категории мы сплошь и рядом будем встречать при скрещивании двух этнически разнородных фонетических систем благодаря словарным заимствованиям у одного языка из другого.

Чужой звук (которому нет тождественного соответствия в родной системе) оказывается, конечно, как непривычный, трудным, и заимствующее мышление, не будучи в силах повторить произношение копируемого слова, естественно, подменяет в нем данный звук ближайше похожим на него звуком своей системы.

Таким образом, здесь имеет место конвергенция I категории, только конвергенты ее принадлежат не к единому языковому мышлению старшего (родного) поколения, а к разным системам: пассивный (ассимилируемый) конвергент — к чужой, а активный (ассимилирующий) — к своей фонетической системе. Так, например, заменено в киргизском и узбекском персидское *f* через привычное *p* (*fil* > узбекск. *pil* «слон», арабск. معارف ташк. *təxir* «просвещение»). То же самое имело место порою и при (древнейшем) славянском заимствовании слов с *f*: нем. *volk* > слав.

плѣкъ (полк)¹. То же было и при заимствовании китайских слов древне-японским, в котором отсутствовало *f* (появившееся лишь позднее): $f > *p$, т. е. кит. $f \times$ японск. $*p$, из которого дальше — уже путем изолированного (внеконвергентного) развития — новое японск. $f > h$. Пример этой последней внеконвергентной эволюции $*p > f$, подтверждающейся и другими языками (например, арабск. f из общесемитск. $*p$), указывает, что, согласно общей тенденции к экономии произносительной энергии, нормальной судьбой *p* в изолированном внеконвергентном развитии был переход в спирант *f*, т. е. утрата губной смычки, замена ее губным (первоначально, во всяком случае, губно-губным) сужением (т. е. ослабление губной мускульной энергии). А между тем, в указанных узбекск. (и киргизск.) $p <$ персидск. и арабск. f , слав. $p <$ герм. f (*folk*), японск. $*p <$ кит. f констатируется обратное направление, что приходится отнести, конечно, за счет самодовлеющей функции конвергенции.

Другие примеры конвергенций I категории при гибридизации системы (при заимствованиях из иностранных языков): греч. φ не всегда усваивается в славянских языках, заменяясь через *xv* (малорусское *Хведор*) и *v* (в сербских говорах: *Вилип* < греч. *φιλιππος*); эстонск. $v <$ нем. f (рядом со спорадическими более древними случаями $p < f$).

Англ. θ (*th* глухое) дает в японск. s (т. е. англ. $\theta \times$ японск. $s >$ японск. s), а соответствующий звонкий δ (*th* звонкое) — японск. z — dz .

При заимствованиях из французского японское (как и тагальское) мышление готово подставить свою фонему *u* вместо следующих французских гласных звуков: 1) франц. *ou*, 2) франц. *u*, 3) франц. *eu* (узкое — слов *peu*, *deux* и т. д.), 4) франц. *eu* (широкое, пишущееся также через *oeu* или *e* и имеющееся в словах *peur*, *boeuf*, *te*, *de*).

Но, могут спросить меня, если причина для пассивности конвергента при заимствовании взрослым — в непривычности данного звука (почему он и заменяется своим, привычным), то какая же привычность активного конвергента может быть у ребенка, еще не усвоившего фонетической системы? Оказывается, не все звуки усваиваются ребенком одновременно: артикуляционно более трудные идут позади. Вот почему они и могут уподобиться более легким, вперед усваиваемым.

Конвергенции II категории устраниют не трудность произношения артикуляционно сложного звука, а трудность различения двух имеющих сходство (а потому и могущих конвергировать) фонетических представлений. Потому и условия этой категории конвергенций совершенно отличны.

Применение теории конвергенций (с ее законами для обеих — I и II категорий конвергенций) к объяснению фонетических изменений дает возможность исчерпывающего генетического анализа таких неожиданных (противоречащих нормальному для изолированной эволюции ходу развития) процессов, как, например, албанск. $s > g'$ (*g* мягкое) [вопрос проясняется, если принять в расчет конвергенцию $s \times j > g'$ (*g* мягкое); ср. $j > \delta j$ и *g* мягкое в ряде языков] или переход индоевропейского $s > f$ (в начале слова) или $s > b$ (внутри слова) в позиции перед *r* в латинском: *frigus* < *srigos*, *membrum* < *mensrom*, *consobrinus* < *consvesrinus*, *tenebrae* < *temsrai* и т. д. (изменение это — результат двух последовательных конвергенций: $sr \times br > br$ и $\theta \times f > f$, откуда *b* внутри слова в соседстве с *r*).

В итоге теория конвергенций вместе с нормами изолированных внеконвергентных развитий, как видно из сказанного, дает возможность

¹ Полк в составе войска составлялся единой этнической группой — племенем или народом (*volk*).

полностью мотивировать (физиологическими и психическими факторами) факты фонетической эволюции, т. е. доказывать, что достижение данного рефлекса есть единственно возможное и необходимое при данных приводящих условиях¹ изменение. Это выводит дисциплину фонетической историологии из области догадок на путь строгой законности и даже позволяет не только говорить о генезисе прошлого и настоящего, но и о будущем звуковом составе языка. Так, в одной из моих полусерьезных статей («Категория палатализованных согласных и ее относительная историческая неустойчивость») я попытался дать образчики русской и японской речи — как она будет звучать через несколько столетий: в ту эпоху, когда в русском и японских языках будет уже изжита категория палатализованных («мягких») согласных.

Дальнейшие подробности по теории конвергенции см. в моих статьях, вошедших в сборник в честь А. Э. Шмидта.

¹ К таким приводящим условиям относится то обстоятельство, сопряжена ли данная конвергенция с дивергенцией конвергента или нет. Например, в греч. переходе $k^w > \pi$ (т. е. в конвергенции $k^w \times \pi > \pi$) участвовала только часть (в ионийско-аттическом диалекте) случаев фонемы $*k^w$. Этим было обусловлено то, что остальные ее случаи — именно в положении перед передними гласными [которые, видимо, в данном диалекте были «смягченными», т. е. заднеязычными лабиализованными палатализованными согласными (какие, например, представлены в современных нагасакских говорах японского языка в слогах, которые русским письмом приходится передавать через *каэ*, *гэя*)] оказались настолько немногочисленными, что не могли уже сохраниться за отдельным звукопредставлением и должны были конвергировать с акустически ближайшим своим соседом, каким оказался для мягкого k^w звук t , для мягкого g^w — звук d . Без принятия же в расчет первой конвергенции ($k^w \times \pi > \pi$) эта вторая (k^w мягкое $\times t > t$) генетически непонятна. Ср. тот же фактор (дивергенцию) в русском переходе $\tau > \sigma$ при переходе в нуль прочих случаев фонемы τ .